

КОМА:
ЗАГАДКА
ВООБРАЖЕНИЯ

МИХАИЛ
ГАЛКИН

ОПЕРАЦИЯ
«ШМЕРЦ»

обыкновенная мистика

Михаил Галкин
Операция «Шмерц»

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Галкин М. Я.

Операция «Шмерц» / М. Я. Галкин — «У Никитских ворот»,
2018

ISBN 978-5-00095-572-7

Чтобы вернуть пациента к жизни, его надо ввести в искусственную кому – временно убить сознание и реакции организма весьма сильнодействующими препаратами. Какие при этом испытываются ощущения? Какие могут наступить последствия? Полностью ли восстановится пациент и, особенно, его психика? Можно только предполагать...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00095-572-7

© Галкин М. Я., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Яковлевич Галкин

Операция «Шмерц»

© Галкин М.Я., 2018

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2018

* * *

ВСЕМ, КТО БЫЛ РЯДОМ, РЕАЛЬНО И ВИРТУАЛЬНО

Глава первая

Дневник простатчика

Ни за что на свете ты не захочешь, чтобы усилилась боль. От боли хочешь только одного – чтобы она кончилась. Нет ничего хуже в жизни, чем физическая боль. Перед лицом боли нет героев.
Джордж Оруэлл

*Всю жизнь свою на секс растратив,
Он озаботился простатой.*

Автор

День первый – терапевт

Молодой, но очень популярный терапевт внимательно всматривается в результаты анализа крови на экране компьютера. Аналогичный текст – на листе передо мной. Стандартный набор прелестей шестидесятилетнего мужчины, прошедшего счастливые советские детство-отрочество-юность-молодость, лихие девяностые и беспредельные нулевые. Холестерол, сахар, липиды. А это что-то новенькое. В самом низу таблички непонятный мне акроним из трех букв: PSA¹.

- Что это, доктор? – интересуюсь я.
- А каким этот показатель был раньше? – отвечают мне вопросом на вопрос.
- Понятия не имею. Так что это?
- Это онкологический маркер простаты. Неужели никогда не проверялись?
- Никогда.
- Простатит, венерические заболевания?
- Никогда.
- Затруднения при мочеиспускании?
- Никогда.
- Потенция?
- Без патологии! – рявкаю я. Допрос порядком надоел.
- Давайте не будем паниковать раньше времени. Проконсультируемся у эндокринолога и сделаем МРТ малого таза.
- Доктор, я беременный?
- Мне нравится ваш подход к проблеме...

День второй – эндокринолог

А мне нравятся молодые люди, у которых в глазах ум и профессионализм. Не по возрасту спокойная и уверенная девушка расписывает набор действий, необходимых для достоверного диагностирования. Ни у нее, ни у ее коллеги-терапевта не обнаруживаю даже намека на желание закошмарить и отжать (термины-то какие!) пациента, столь характерное для традиционной

¹ PSA – Prostate Specific Antigen – специфический антиген простаты (англ.).

советской-российской медицины. Единственный раз улавливаю осуждение в тоне, когда она комментирует мое безответственное отношение к наличию онкологической наследственности.

Договариваемся повторить анализ крови через две-три недели и получаем неутешительный результат: PSA подтверждается и даже немного растет.

День третий – оператор

Вспоминаю совет одного московского врача: «Если будет необходима любая серьезная операция, то делайте ее не у нас, а в Германии или Израиле. Там всё поставлено на поток, а в России только и разговоров об уникальных достижениях». Звоню Родиону в Эссен, Северный Рейн – Вестфалия. Так случилось, что за последний год Родион весьма качественно организовал лечение около полудюжины моих знакомых, друзей и родственников. А одному не успел: иркутские специалисты оказались проворнее и быстренько спровадили человека в морг.

Родион на высоте. Всё организовано блестяще. Знакомлюсь: Профессор. Ураган! Жесткий ум, концентрация, темперамент. Никаких лишних вопросов, никакой воды в объяснениях. Ну просто живой скальпель. Сразу переходим на английский, укорачивая общение вдвое.

Обследования завершены с одной проблемой: доступ в мои вены открыт только избранным, поэтому возвращаюсь в гостиницу с изодранными руками, густо обклеенными пластырем.

Профессор в общем позитивен, но предостерегает от поспешных выводов.

День четвертый – дополнительный

Всё-таки мне понадобилось дополнительное обследование. Биопсия – не томография: полдня со мной беседуют урологи, анестезиологи и, конечно, сам Профессор. Всё объясняют на плакатах и схемах. Цели три: пациент должен понимать, что с ним будут делать, особенно под наркозом; пациент не должен бояться; пациент не имеет права водить автомобиль и подписывать юридически значимые документы в течение суток после выведения из наркоза. За каждое «должен-не должен» подписывается врач, подписываюсь я и подписывается Родион, так как здесь никакого английского – только немецкий и официальный перевод на русский.

День пятый – диагноз

У нас бы сказали: приговор. Операция неизбежна. Никакой спешки. Всё поймано в зачатке. В успехе мероприятия никто не сомневается, но меня честно предупреждают о возможных рисках, даже тех, вероятность которых один на миллион. В принципе, можно подождать год-полтора, но я настаиваю на скорейшем исполнении, и операцию назначают через месяц.

Страха нет никакого. Доверие к оператору базируется не только на знании его опыта, но и на просветительской работе, проведенной со мной в клинике. Понимаю, что будут делать, кто и когда. А человека в основном страшат только неизвестность и неопределенность.

День шестой – операционный

Сегодня операционный день.

6:00 – по флотской традиции перед погибельным боем помылся, гладко выбрился и переоделся во всё белое: трусы из сетчатой лайкры с толстой бабьей прокладкой.

Очки, часы и кольцо сдал жене.

7:00 – возникла фрау Пупхен и добрила всё остальное.

7:10 – явился Царь, Бог и Господин – Профессор-оператор. Жизнерадостно объявил, что операция будет длиться не более трех с половиной часов. Основная задача – аккуратнейше отделить **ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ НЕРВНЫЕ ОКОНЧАНИЯ (ОВНО)**, изолировать их, заморозить, а после элементарного удаления простаты снова заставить функционировать. Вот так и сказал: простатэктомия – обычное дело, а сохранение ОВНа – это ого-го! То есть иначе ни хт трахеи, ноу факин!!!

И еще, забудьте слово «шмерц»: мы сделаем всё, чтобы не было больно.

Ну нет: этот термин мне необходимо держать в голове!

7:15 – прибыла бригада деловито сосредоточенных санитаров. Трогательное прощание с женой, прошлым и, на всякий случай, с будущим. Повезли в предоперационную и сдали четверем симпатичным анестезиологам, одетым в зеленые скафандры. Двое из них – предположительно апостолы Петр и Павел – склонились надо мной, но вопросов о земных грехах не задавали, а объясняли технику и технологию наркотизирования моего прекрасного тела. Двое других – помогающие им дамы – давали возможность последний раз взглянуть на незнакомых мне представительниц противоположного пола без всякой надежды даже на мизерную вероятность адюльтера.

Начинают ставить блоки катетеров для подачи анальгетиков и наркоза. Понимаю, что апостолы столь интенсивно общаются со мной только для улавливания момента исчезновения осознанной реакции на их просветительскую беседу. Держусь до последнего. Надеюсь увидеть оперирующий робот Да Винчи. В голову вливается мягкий аккордеон из недавно купленного альбома *Alegria* – саундтрека *Cirque du Soleil*. Музыка всегда защищает меня от стресса на подкорковом уровне. Всё. Плыву...

...Дикая боль в правом плече. Ощущение такое, будто отрывали руку, но недооторвали. По немногим понимаемым обрывкам немецкой речи ясно, что вокруг носится бригада реаниматологов. Сознание еще не до конца адекватно, поэтому их количество кажется огромным, а время – деформированно-бесконечным. Все галдят, тыча пальцами в монитор контроля кровяного давления. Показатель систолы прыгает вокруг цифры 200. Сейчас только осталось услышать вопль: «Мы его теряем!» – и начнется сериал «Скорая помощь».

Возятся уже около получаса. Понимаю, что все близкие в переживаниях и ожидательном психозе. Рычу, а на самом деле едва выдыхаю:

– What's fucking wrong with you? I've hypertension but no medicines for several fucking days before! Help me with this fucking pain and leave me fucking alone!²

Одна из реаниматоров энергично листает файл и успокаивает своих коллег. Буря в стакане улеглась. Слава богу, везут в палату. С глубоким удовлетворением отмечаю про себя: раз четырежды выдал fuck в столь короткой фразе, значит, в сознании, стабилен, привычек не поменял и способность руководить сохранил. Хотя не мешало бы дать им еще одну порцию.

Первая новость: операция длилась вдвое больше запланированного – семь часов. Это от заплаканной супруги. Вторая новость: операция была столь длительной, так как удалось сохранить всё ОВНО и заодно подшить обнаруженную грыжу. Это от Профессора. Третья новость: всё прошло очень успешно – самая важная! Главная задача: пить много воды. Ну, это я люблю. А вот кислородные шланги в носу и массу дренажной аппаратуры для подкачивания одних и откачивания других жидкостей – ненавижу.

² *Что, вашу мать, не так? У меня гипертония, но прием лекарств был запрещен за несколько дней! Помогите мне с этой гребаной болью и оставьте на хрен в покое! (англ.)*

В горле отвратительно першит – последствия нахождения там гофрированного пластикового шланга системы наркоза и вентиляции. Ужасно хочется кашлянуть, но и скромная попытка сделать это вызывает дикую боль во всём теле. В брюшную полость закачан воздух. Он давит на все внутренности, выламывая даже плечо.

Итак, день начался и закончился борьбой с болью. А робота Да Винчи я так и не увидел.

День седьмой – оклемательный

С балкона тянет восхитительным коктейлем из липового цвета со свежескошенной травой. Завтракаю, уже сидя за столом. Удивляюсь, что пища не отличается от обычной: никаких кашек-бульончиков; всё по-нашему, по-немецки: колбаса, сыр, масло и чудная франзолька. Чай, молоко. Жую тщательно, глотаю медленно. Во-первых, всё еще сильно саднит горло. Во-вторых, пустой желудок вряд ли потерпит энергичную загрузку.

Сбоку от меня штатив на колесиках с вливаниями. Из одного пакета куда-то в область позвоночника подкачивается анальгетик. Из другого – элементарная вода внутривенно. В районе правой ключицы болтается целая гирлянда разноцветных наконечников на случай, если потребуется прицепить к моим венам до десятка разных систем. Ну и главный пластиковый контейнер висит в самом низу штатива. В него вымывается отходящая жидкость. Сейчас она мутного красно-бурого цвета. Наша общая задача с врачами – довести его до прозрачного янтарного. Из этого на меня ложится только существенное потребление воды и максимальное использование возможностей организма для гуляния по коридорам клиники. Упомянутый выше передвижной штатив служит мне при этом и посохом, и опорой, и индикатором настроения: увеличивается прозрачность – улучшается тонус. В общем, пью, гуляю, ем, гуляю, снова пью и так далее, но глаза постоянно скашиваются на пластиковый контейнер. Чище? Прозрачнее? Краснее? Желтее?..

Профессор продолжает удивлять, посещая меня трижды в день. Утром основной обход с огромной свитой слушающих, записывающих и впитывающих. Второй визит с двумя-тремя ассистентами после обеда. И третье посещение с одним коллегой перед вечером. Вопросы четкие, выслушивание ответов внимательное, распоряжения отрывистые и жесткие. Не представляю, что у кого-нибудь из них может возникнуть желание игнорировать его инструкции.

Помимо Профессора ко мне трижды в сутки заглядывают анестезиологи: пациент не должен ощущать никакой боли и дискомфорта. Раз восемь в сутки навещают медсестры: давление, температура, глюкоза в крови, состояние систем, медикаменты, инъекции, повязки, перевязки и, главное, протоколы входа-выхода жидкости. Каждый визит начинается с улыбки, рукопожатия и представления, а заканчивается каким-нибудь позитивным слоганом типа: «О! У вас фантастический прогресс!»

Профессор доволен результатами прошедшего дня, особенно тем, что я пропустил через себя три литра воды. Показываю ему свой асимметрично раздутый живот. Он снова объясняет это необходимостью закачки воздуха перед операцией и обещает, что всё встанет на свои места, как только заработает кишечник.

Кишечник-то как раз работать не хочет. Боль в середине живота нарастает волнами. Сообщаю об этом очередной сестринской инспекции. Они улыбаются и обещают не допустить моих страданий. Очередной раз нажимаю кнопку вызова персонала. Две энергичные сестры начинают срочно добавлять пакеты к моей инъекционной системе и сообщают, что обезболивание начнет работать через 20–30 минут. Но момент, видимо, упущен, критическая точка пройдена. Глаза вылазят из орбит.

– Шмеерц³! – ору я со всей мочи. – Шмерц!!!

Жена гладит меня по одной руке, медсестра – по другой. От крика брюхо болит еще сильнее. Понимаю, что если не перестану орать, то доиграюсь до болевого шока. Медсестры заставляют меня глубоко дышать и сами пыхтят в такт. Мне становится смешно. На смену аномальным воплям приходит истерический смех. К счастью, анальгетики всасываются значительно быстрее обещанного. Сначала исчезает боль, потом приходит общее расслабление и сразу хочется спать. Через несколько минут забытья заставляю себя встать и первый раз выйти на коридорную прогулку. Всего несколько минут, а гордости...

Ужинать побаиваюсь, но необходимо набираться сил и заполнять кишечник. Ем, укладываюсь и незаметно засыпаю.

День восьмой – Achtung! Gasen!!!

Я умею чистить зубы, стоя у раковины без посторонней поддержки! У-ра!

Профессор подкидывает кучу оптимизма. Приказ по-прежнему прост: пить и гулять! У меня это, правда, ассоциируется с хорошей дозой алкоголя в приятной компании, но тем интереснее играть по правилам Профессора. Боли никакой. Беспокойство вызывает только обнаглевший от безделья кишечник.

И тут память сотворяет со мной злую шутку. Я очень люблю черешню, но в обычной жизни стараюсь ограничивать ее потребление из-за слаблящего эффекта. Сейчас же звоню своим друзьям, которых жду в гости из Дюссельдорфа, и прошу привезти мне немного черешни. После весьма приятной встречи и их отъезда вгрызаюсь в чудесные спелые плоды. Уничтожаю пару жменек, тщательно пережевывая и следя за тем, чтобы не слотнуть косточку. Очень сладко, поэтому запиваю водой. Как писали в классическом учебнике, усталый, но довольный, отправляюсь подремать.

Однако уснуть не удается. В животе взрывается ядерный заряд. Успеваю нажать заветную кнопку, и в палату врываются два медбрата. Мое пузо в поперечнике имеет форму неправильной трапеции. Распросив о дневном рационе, один из медбратьев восклицает:

– Кто дал черешню? Кто разрешил?

Честно говорю, что инициатива собственная, но дневная сестра дала добро.

Размер живота угрожающе растет. Вместе с ним растет разрывающая организм боль.

– Шмерц, – стону я, и снова: – Шмеерц! Шмеерц!!!

Один из медбратьев держит меня за руку и успокаивает, другой звонит дежурному врачу. До его прихода опять начинаются экстренные манипуляции с болеутоляющими системами. Тот, который успокаивает меня, почти торжественно изрекает:

– В борьбе с болью мы на вашей стороне!

Вынужден согласиться, но от этого не легче. Дежурный врач Максим говорит по-русски. Спокоен, рассудителен. Объясняет, что если не помогут медикаменты, то придется делать клизму, а это нежелательно. Меня увозят из палаты на КТ. Возвращают минут через пятнадцать и ждут результатов.

Ору уже не стесняясь, перемежая немецкую и английскую ненормативную лексику. В какой-то момент взываю:

– Oh! Fucking shit!⁴

И тут же получаю ответ медбрата Томаса:

– You will feel as in Christmas, Easter and at some other holidays together getting this⁵.

³ Шмерц (нем. Schmerz) – боль, страдание.

⁴ Вот дерьмо! (англ.).

⁵ Ты почувствуешь себя как в Рождество, на Пасху и во все другие праздники, если это появится. (англ.).

Удачная шутка дает секундную передышку даже в таком состоянии. Возвращается дежурный врач с результатами КТ. Весь кишечник забит непереваренной черешней. Решают немного подождать реакции организма, но он остается равнодушным к моим страданиям. Теперь уже к моим воплям «шмерц» добавляется мольба «клистир!», однако ребята не торопятся. Наконец врач дает добро, являются две медсестры и разрешают меня от бремени.

День девятый – восстановительный

Аппетит зверский, но, помня о черешневом эффекте, ем медленно, аккуратно и избирательно, отказываясь от овощей и фруктов. Утром мне разрешили душ, а это изобретение стоит на первом месте в моей личной шкале ценностей. Станислав Лем писал: «Цивилизация начинается с проточной воды. Человек чувствует себя соответственно состоянию его кожи». Однако до душа приходится побороться с последствиями вчерашнего очищения организма, но прием закрепляющих препаратов обходится уже без всякой боли и проблем. Надо только успеть добежать.

После обеда решаюсь на прогулку по госпитальному парку. Дышится прекрасно. Вековые липы и ели, красивейшие клены, березы и ивы. Цветут гортензии, розы и шиповник. С радостью сообщаю жене, что девушки в коротеньких шортиках продолжают вызывать у меня неподдельный интерес, но позитивной реакции с ее стороны не следует.

Никакой боли. Похоже, операция «Шмерц» – всё, связанное с реальной болью – успешно завершена.

День десятый – избавительный

Сегодня всё полно неожиданностей. С утра отвели на контрастный рентген для проверки герметичности уретры, объявили положительный результат и удалили самый дискомфортный катетер.

Затем меня отцепили от огромного мешка-контейнера для сбора жидкости, висящего на передвижном штативе, и подключили к мобильному контейнеру, закрепленному на голени. И, наконец, отключили от подвесных систем подачи жидких медикаментов. Всё! Я автономен, в движениях почти не ограничен.

С удовольствием завершаю этот дневник. Дальнейшее восстановление – дело времени и дисциплины, не допускающей физических перегрузок.

P.S

Боль всё же настигла меня достаточно жестко и неожиданно. Когда все контейнеры-сборники были сняты, оказалось, что нужно заново научиться освобождаться от лишней жидкости естественным путем. И всё повторилось, как в первые дни после операции: вопли, крики, страдания. И опять Профессор оказался на высоте: обследовал, объяснил, раскачал и сказал, что билеты на самолет менять не надо.

Специальная благодарность докторам Олегу и Анастасии за наставление меня на путь истинный.

Исключительная благодарность Профессору и его команде за высочайший профессионализм и блестящее исполнение работы.

Особая благодарность Родиону и его команде за отличную организацию и внимательное отношение.

Отдельная благодарность медсестрам Александре, Саре, Эльке, Катрин и Зине, терпеливо и деликатно помогавшим мне во всех ситуациях.

Огромное спасибо моим родным, близким и друзьям, поддержавшим и помогавшим мне в этой борьбе.

И, как говорится, спасибо Академии...

Эссен, Дюссельдорф, Москва.

Август 2013 г.

Глава вторая

Тропик Рака, тропик Козерога

14. Несовершенное сознание, или благодать умершего, неизбежно несет с собой большой страх; и он тем больше, чем меньше сама благодать.

15. Этот страх и ужас уже сами по себе достаточны (ибо о других вещах я умолчу), чтобы приуготовить к страданию в Чистилище, ведь они – ближайши́е к ужасу отчаяния.

27. Человеческие мысли проповедают те, которые учат, что тотчас, как только монета зазвенит в ящичке, душа вылетает из Чистилища.

30. Никто не может быть уверен в истинности своего раскаяния и – много меньше – в получении полного прощения.

95 Тезисов

Мартин Лютер

1517 г.

Я тебя люблю

Я появилась на свет под созвездием Рака. Всякий раз в день моего рождения светило солнце, шумели листья, пели птицы, звенели реки. Народ либо веселился на своих шести сотках, либо сваливал в отпуск. Все радовались июлю – макушке лета – и все любили меня, кудрявую капризную тростиночку. Зная это, я постоянно требовала для себя каких-то привилегий у воспитателей в детском саду, у учителей в школе, у преподавателей в институте, у друзей, ну, и далее – со всеми, как говорится, остановками. Родители почему-то решили больше детей не заводить. Поэтому превращение симпатичного утенка в капризного лебедя с вечно задраным носиком было гарантировано. Меня считали очень заносчивой и неприступной. Не раз делали замечания за то, что не здороваюсь с людьми на улице, но тому была другая причина: зрение мое совсем заглохло при созревании, а очки, да еще минус пять, носить категорически не хотелось: найти оправу, не уродующую лицо, в наше время было невозможно.

Я всё время боялась опоздать: везде и всюду являлась раньше времени. И всё время боялась остаться без поддержки мамы: мы были очень близки. Страх пропустить год из-за сложности поступления в вождеденный медицинский институт привел меня в финансово-экономический. Боязнь засидеться в девках толкнула на раннее непродуманное замужество. Упреки свекрови по поводу моей subtilности (худосочности) были подавлены тем, что в двадцать один с небольшим я сама стала мамой. Энергия была ключом, каблучки отлетали на ходу, юбка развевалась на ветру. Я вечно носилась по всем этажам и кабинетам, как сказали бы сейчас, офиса, обсуждая всё и вся с коллегами, секретаршами, медсестрами из здравпункта. Страсть быть в курсе событий сохранилась до сих пор, только сейчас источниками информации стали многочисленные сплетенные журналы и Его Величество Интернет.

Моему сыну не исполнилось и полутора лет, как стало ясно, что мы с мужем абсолютно не подходим друг другу, и брак наш распался так же стремительно, как начинался. Мы жили у моих родителей, поэтому ни географически, ни организационно ничего не изменилось. Я по-прежнему неслась из дома на работу, в детсад и обратно домой, не помышляя ни о каких рома-

нах. Здесь, по всем законам жанра, должна появиться коротенькая фразочка: «... и вдруг!» Хотя, пожалуй, чуть рановато.

Он сидел у окна нашей комнаты, которую я делила еще с семью дамами, и о чем-то рассказывал. До тех пор, пока я не нацепила очки, это было просто говорящее белое пятно, развалившееся на стуле. Потом вещающее нечто материализовалось в вихрастого брюнета небольшого роста, упакованного во всё, что можно было тогда добыть в магазинах «Березка». Удивила манера речи: насмешливо-самоуверенная и в то же время доброжелательная, с тщательно подбираемыми словами. Он скользнул по мне маслинными глазами, не обозначая никакого интереса, и ушел минут через десять. Тут девушки дали волю своим языкам, и мгновенно стало ясно, кто это, чем занят, с кем дружит, на кого глаз кладет и вообще – оказывается, лет десять назад он здесь работал. И жена его работает двумя этажами выше, и, по сути, он формально – мой начальник, потому что по неписаным тогда правилам я числилась в его подразделении, а реально работала в другом.

Стоило мне только выйти в коридор с какими-то документами, как он догнал меня и проворковал:

– Знаете, что вы здесь самый обаятельный ребенок?

Черт! Откуда он взялся? Что этому коротышке надо? Как ответить? Я наградила его презрительным взглядом свысока и молча пошла прочь. А потом он стал возникать на моем пути всюду: как бы невзначай сталкивался со мной на улице, случайно оказывался со мной в одном автобусе, участвовал в служебных вечеринках, но больше никаких подходов, никаких реплик, никаких ухаживаний. Нельзя сказать, что это задевало, но слегка раздражало. Только однажды я вышла из здания, а он «неожиданно» подъехал на служебной машине и предложил добросить до дому по пути. Было скользко и по-зимнему мерзко, поэтому я молча влезла в уазик. Мы доехали до места и, не проронив ни слова, расстались.

Прошло полгода. Я уже знала, что за пристрастие к бабам его называют ночным бомбардировщиком. Что он безумно любит сына. Что он успешно руководит своим коллективом и не прочь сделать карьеру. В конце моего месяца июля он неожиданно пошел в атаку и не успокоился, пока я не согласилась с ним встретиться. Было ужасно стыдно, что иду на свидание к женатому мужику, который выглядит лет на двадцать старше меня. Он абсолютно не подходит мне по росту, и еще «жигули», которые он перехватывает у своего друга, в нашем маленьком городке называют блядovозкой. Мои молитвы были услышаны: он пришел к дому номер 101 на одной улице, а я на другой. Рандеву не состоялось.

На следующий день он мягко притормозил перед моим носом и пригласил в машину. Мы выехали из города и помчались сначала по трассе, а потом по проселку, въехали в лес и встали. По-прежнему не говоря ни слова, он положил мне руку на колено и заглянул в глаза. Стараясь сделать это с максимальной издевкой, я спросила:

– Легче стало?

И он вдруг тихо ответил:

– Я тебя люблю.

Что люблю? Кого люблю? Когда успел полюбить?

За полгода мы и тремя фразами не перебросились. И тогда я начала орать, что не собираюсь разрушать чужую семью, мне не нужны его ухаживания, всё это чушь и глупость. А он, не выпуская из ладони коленку, снова тихо сказал, что любит и я права, но он ничего не может с этим поделать, потому что любит.

Сейчас у него рак. Казалось бы, рожденные в июле не должны бояться рака, но меня охватывает животный неуправляемый страх. Родители умерли от рака. Всех баб приучили постоянно ощупываться, проверяться. Страшно безмерно. А ему хоть бы хны. Ходит, напевает:

– Тропик Рака, тропик Козерога на хвосте ворона принесла...

Или цитирует «Мебиуса» Вионора Меретукова: «...майор Фишер, царствие ему небесное, он умер в военном госпитале незадолго до вывода американских войск [из Вьетнама] весной 1975 года. У майора обнаружили рак яиц. Яйца не выдержали нечеловеческого напряжения. Фишер трахался почти безостановочно. Это была какая-то адская сексуальная машина. Причем ему было совершенно безразлично, кого трахать, где трахать и как трахать». И хохочет при этом, как придурок. Я на стенку лезу от страха, а он хохочет. Знала бы я, с кем связалась тогда, тридцать лет назад.

ГОВОРЯТ, У ВАС ЕСТЬ ЛЮБОВНИЦА

У него была одна страсть и несколько пристрастий. По-настоящему, точно знаю, он любил только двух женщин – работу и меня. Третья со звучным именем Мерседес (обязательно женского рода и обязательно с ударением на второе «е») считалась тогда абсолютно недостижимой. Задолго до того, как Горбачев выпустил нас из клетки, он придумал для себя игру business first с самим собой, постоянно что-то высчитывая, моделируя процессы, пытаясь прогнозировать. Поэтому, подойдя к концу восьмидесятых с написанной диссертацией и ясными перспективами, он бросил всё и, как застоявшийся зверь, ринулся в международный бизнес. Естественно, через пару лет у него появилось лакированное чудо немецкой техники, правда, подержанное, зато с невиданными автоматической коробкой, пневматической подвеской и центральным замком с пультиком.

Его никогда не интересовало налаженное дело. Он брался за бизнес с чистого листа, кокетливо называя себя человеком оргмомента. Когда спрашивали, кем работает, отвечал – пожарным, а где живет – в самолете. Его бросало по стране от Львова до Находки. Пospеть за ним было невозможно, но это давало нам шанс встретиться и провести время спокойно, не торопясь и не боясь попасть под всевидящие очи доброжелателей. Утаить шило в мешке маленького городка было невозможно. О нашем романе судачили все кому не лень, и, как водится, последней об этом узнала его жена. Бурное объяснение закончилось заявлением, что из семьи он не уйдет, пока не поставит сына на ноги, но и меня не оставит. Это было отчаянно смело и в высшей степени безрассудно. В этом он был весь: неумная энергия, изобретательность, бравада и уверенность в себе.

Однажды, в канун Нового года, его вызвал к себе ну очень большой начальник и с порога заявил:

- Говорят, у тебя есть любовница.
- Говорят, у вас тоже, – отстрелил, не задумываясь.
- Кто говорит? – уже не так уверенно.
- Да все говорят!
- Ну я ж с тобой не как с подчиненным, а как мужчина с женщиной.
- А я ни с мужчинами, ни с женщинами подобных тем не обсуждаю.
- Ладно. Иди, но смотри: партбилетом рискуешь.
- Так у меня его нет, партбилета-то.

После этого чудного диалога меня задвинули в хвост очереди на получение жилья. Но остановить водопад невозможно. Чем больше на него давили, тем жестче он закусывал удила.

Страх был ему неведом. Чем сложнее была задача, тем с большим рвением он за нее брался. Стимулом был вызов, а на вызов надо было отвечать.

Он лез напролом, а потом выяснялось, что все вопросы решены абсолютно дипломатическим путем. Поговаривали, что во время переговоров он применял какие-то неизвестные методы охмурения визави. Очень смешно. Я-то знала его главный секрет: отвлечь конкурента «шариком». Это когда пальцы обеих рук складываются большой к большому, указательный к указательному и так далее, образуя такую дырявую сферу, которую он постоянно пристально разглядывал, как будто именно в этом пространстве пряталось взаимоприемлемое решение. Глаза его хитро, но доброжелательно поблескивали из-под пушистых ресниц, пытаясь влюбить в себя противника. Плавающая улыбка расслабляла практически любого, как он называл, жесткача. Потом откинута за спинку стула рука расслабляла внимание соперника, как бы призывая стрелять не целясь, а это очень опасное заблуждение. Одного он категорически не допускал – людоедства, относя к этому виду спорта также и стукачество. Многие слышали от него насмешливое:

– Чтобы стать миллиардером, надо быть хоть немного людоедом. Давайте останемся чуть победнее, но не допустим каннибализма.

Он последним пьянел за любым столом, но сохранял лицо и никогда не страдал с похмелья. Презирал сон, отключаясь не более чем на пять часов, а если требовалось, мог не спать по двое суток. Был способен гнать шестнадцать часов за рулем, покрывая по тысяче триста километров. Всему – работе, любви, дружбе, застолью – он отдавался с таким энтузиазмом, что не оставлял мне ни малейшей возможности найти ему хоть какое-либо сравнение.

Хотя иногда наедине он вдруг расслаблялся, грозясь бросить всё к чертовой матери, ругал всех и вся, горько рыдал совершенно детскими слезами, а потом загибал у меня на груди, всхрапывая несколько минут, чтобы, проснувшись, снова рвануть в бой.

Несколько дней назад ему удалили злокачественную опухоль. Моему отцу тоже удалили на губе, а вылезло в легких. Прожил четыре месяца. А этот сумасшедший смеется, поет, рассказывает анекдоты, заглядывает медсестрам за пазуху и уже пытается с кем-то говорить по бизнесу. Компьютер на прикроватном столике практически не выключается: драгоценный пациент записывает свои ощущения до и после операции.

МЕРТВЫЕ СТРАХА НЕ ИМУТ

У него была своя теория страха. Заменяв «срам» в известном библейском постулате, он демонстрировал полное пренебрежение к смерти и уверенно проповедовал, что бояться ее глупо: за ней ничего нет. Однажды, в начале девяностых, мы приземлились на «секретном аэродроме» – в номере одной из московских гостиниц. Вдруг среди ночи раздался сильнейший удар. Дверь с треском распахнулась, чудом оставшись висеть на петлях. Включились лампы, и в комнату ввалилось человек восемь-десять молодцев, из-под кожаных плащей которых торчали стволы автоматов. Я взвизгнула от ужаса и с головой ушла под одеяло, а он сначала чуть прикрыл глаза от яркого света, а потом хрипло, тихо, но жестко и уверенно произнес:

– Привет! Че стряслось? Немцы наступают?

Я ожидала чего угодно: криков, ударов, стрельбы, но ничего этого не произошло. Прозвучало извинение за то, что ошиблись номером, а потом старший этой банды узнал его, подошел поздороваться за руку. Быстро одевшись, он предложил выйти покурить. Минут через десять вернулся, и тут у меня началась истерика. От страха трясло, лились слезы, клацали зубы. Он гладил меня по голове и всё удивлялся: чего это я перепугалась? Когда я спросила, какого черта его не было так долго (мне показалось – минимум час), он просто и буднично ответил,

что уговаривал ребят не убивать человека из соседнего номера. Аргументация простая: ну, во-первых, он здесь с девушкой. Понаедут опера, телевидение. Попадем в кадр, будет огласка. Некрасиво. А во-вторых, тот человек – его коллега. Будут искать связь, причины, мотивы. В общем – неприятности. Общаться было совсем легко: их командир оказался соседом по дому из прошлой жизни. Нам только что чуть было не отстрелили головы. По ошибке, без ошибки – какая разница?! А он сидит и буднично бубнит о почти что светской беседе!

Он не понимал, почему ограничивают скорость на дорогах. Наоборот, надо учить людей водить как можно быстрее. Кто хочет медленно – пешком.

Он не понимал, почему люди боятся летать, и, когда я цепенела от всякой воздушной ямки, смеялся и просил не выламывать подлокотники. Как-то раз более полутора часов крутились над Москвой на борту АЗЗО. Дети орут, женщины плачут, справа сзади мужик задыхается, и при этом турбулентность такая, ого-го! Зашли на посадку, как полагается: закрылки, газ сбросили, шасси, опять закрылки, и вдруг как заревет – экстренный подъем. То ли ветром снесло, то ли полоса оказалась занятой. Нам же сбоку не видно. А ему всё равно. Ему срочно в туалет надо. Стюардесса протестующе машет руками. Успокаивает ее неожиданным сообщением, что ситуация штатная, если понадобится помощь, то можно на него рассчитывать, но если не пустит в туалет, то ситуация сменится на аварийную. Звучит убедительно, дверь разблокировали. Вернулся в кресло, пристегнулся, взял блокнот и начал мне рисовать восходящие потоки, расположение грозового фронта, уровни турбулентности и прочие прелести текущей ситуации. Я пытаюсь мучительно вспомнить обрывки известных молитв, а он как ни в чем не бывало: бубубу-бубубу. Юноша, сидящий через проход, спрашивает:

– Простите, вы что, физик?

– Нет, – отвечает с ухмылкой, – ботаник, летчик-налетчик. Просто бояться ничего не надо.

– Понял, – соглашается юноша и смотрит с восхищением.

Тут он поворачивается ко мне и говорит, что ситуация всё равно вне нашего контроля. Что если разобьемся, то вместе – не скучно. Что лежать будем рядом долго и счастливо. И неожиданно:

– Вот поэтому я и не хожу в казино. Там тоже ситуация вне какого-либо контроля, но, говорят, кормят вкусно.

С таким же сарказмом он подначивал своего приятеля в берлинском кардиоцентре вечером перед операцией стентирования, которую им обоим должны были делать на следующий день. Тот ужасно трусил, хныкал и требовал к себе кучу внимания, а мы уже через тридцать часов летели с отремонтированным сердцем обратно в Москву. Только две угрозы могли поколебать его упрямое бесстрашие: боязнь за близких и нетерпимость к боли.

– Делайте со мной что угодно, – говорил он, садясь в кресло дантиста, – хоть обе челюсти меняйте. Только чтобы я ничего не чувствовал.

Когда ближе к середине девяностых начал процветать киднеппинг и всё чаще бандиты расправлялись с семьями бизнесменов, он приказал сыну вести себя в университете скромнее скромного, распродал все свои дела, нанялся на работу в зарубежную компанию и уехал из России.

Еще, было время, он боялся собак. В детстве покусали, и при виде собачьей морды он цепенел, бледнел, терял волю. Однажды он приехал в один из своих офисов в Закавказье, открыл дверь, и тут же ему на плечи легли две мощные лапы. Замер и тихо попросил убрать

пса, а затем устроил дикий разнос местной руководительнице, явившейся на службу с собакой. Животное закрыли в чулане, а он прошел за стол и углубился в работу. Минут через десять-пятнадцать он почувствовал, что странно теплеют ступни. Заглянул под стол и обнаружил там огромную лохматую голову, лежащую на его ботинках. Как пес незаметно прокрался к нему, осталось загадкой, но с тех пор наглая собачья морда всякий раз тихо пристраивалась на его башмаках, а он перестал бояться собак.

А я боюсь! Боюсь за него, за его здоровье, за его сумасшедший характер, за его успех, за каждое новое женское имя в его записной книжке, за всё, что может его у меня отнять. Я – баба, и я боюсь! А он разогнался на Киевском шоссе еще в «дофотокамерный» период до двухсот сорока километров в час и, хохоча, кричал, что быстрее нельзя – точка отрыва, а потом мягко тормозил на взмах жезла, резко сдавал назад, подходил к опешившему гаишнику и тархтел с одесским акцентом:

– Ой! Шо з вами стряслось? Шо ви так распэрэживались, уважаеми? Зараз ми будем подлечить ваши нарви.

Совал в потную ладонь очередную ассигнацию, обязательно желал удачи на дороге и прибыльной смены, а потом плюхался в кресло и срывался с места. С ним редко спорили.

ОН УМИРАЕТ

Ему было плохо. Ночами лихорадило, утром ломало кости. Побаливал бок. Он стонал во сне, но, проснувшись, улыбался и говорил, что прорвемся. С иронией ссылался на две дежурные фразы советских врачей: «а что вы хотите?» и «потерпите немного». После первой могло следовать «вам уже не двадцать», либо «операция длилась семь часов», либо «это непростой случай» и т. д., и т. п. После второй – к этому набору добавлялось «скоро полегчает». И опять смеялся. Через несколько дней он едва доковылял до меня на кухне и, тяжело шевеля губами, приказал немедленно везти его в клинику. Сильно болел правый бок, и жестоко мутило. Похоже на аппендицит.

Быстро осмотревший его хирург вызвал уролога с нефрологом, а те потребовали срочно готовить пациента к операции. Лицо его стало зеленовато-желтым. Периодически теряя сознание, он всё-таки уловил смысл последних фраз и попросил срочной эвакуации в Германию, где его вскрывали две недели назад и знали, что с чем сшили. Несмотря ни на что, он оставался на ногах и вполне сносно общался. Он даже умудрился пожать руку турку-таксисту и четко поблагодарил по-турецки «tesekkur ederem», перед тем как выйти из машины у госпиталя в Эссене.

Сутки врачи боролись с его недугом. Состояние ухудшалось с каждым часом, и его ввели в искусственную кому. Мы сидели с его сыном в предбаннике реанимации и вздрагивали при появлении каждого врача. К вечеру к нам подошли три профессора и объявили, что сделано всё возможное, но он умирает. Я начала кричать, требуя, чтобы сделали что-нибудь вплоть до удаления почки, но мне пояснили, что уже поздно. Потеряв чувство реальности, я трясла его сына за плечи и повторяла:

– Ты же родился в рубашке! Ты знаешь об этом? Твой отец не должен умереть!!!

И тут медбрат Саша – русскоговорящий немец из Бишкека – вдруг сказал:

– Ну чего вы так волнуетесь? Они его довели до такого состояния, они его и вытащат. Здесь и не такое видали. А предупреждают вас так, на всякий случай.

Ночью в палату то и дело заходили специалисты, носили мешки с кровью, подключали гирлянды капельниц и аппараты диализа, вводили катетеры, что-то подкачивали, что-то откачивали. Утром нам выдали табличку динамики показателей: ряд из них улучшился вдвое. Кризис миновал, но предстояла еще долгая борьба, самой уязвимой точкой в которой был его мозг. Его вводили в кому так интенсивно, что не было никакой гарантии сохранения памяти и других функций.

Нам рекомендовали разговаривать с ним, убеждая в том, что он слышит. Я рассказывала ему о наших путешествиях, о полюбившихся местах, спектаклях, фильмах, вечеринках. Пыталась вспоминать какие-то смешные или, наоборот, – драматичные случаи. Сообщала о куче звонков от друзей, коллег и просто знакомых, интересовавшихся его состоянием. Всё время вглядывалась в его лицо и держала за руку, ожидая хоть малейшей реакции. Тщетно. Оставалось только ждать и надеяться. Страшно было даже подумать, что такой умный и энергичный человек останется овощем. Я даже предположить не могла, какие муки при этом испытывает он сам. Через какие адские состояния проходит и что ему еще предстоит.

Глава третья The Dark Side of the Life

*I'm afraid of day and night
I'm breaking into thousand pieces
Hands are touching me, again and again
And I can't defeat myself
Is this only a dream?
Please tell me why!*

Pink Floyd

*Я боюсь и дня, и ночи.
Я разорван на тысячу кусков.
Руки касаются меня снова и снова.
И я не могу обрушить себя.
Это всего лишь сон?
Пожалуйста, скажите мне, почему!*

Пинк Флойд

ПОГРУЖЕНИЕ

...Богота, Колумбия, перекресток центральных улиц. На всех четырех углах – парные патрули автоматчиков военной полиции. Из громадного лимузина остановившегося кортежа выходит вице-президент страны и энергично направляется ко мне. Дружеский хлопок по плечу, ослепительная улыбка.

– Надо перевезти груз.

– Вы же знаете: я не занимаюсь оружием и наркотиками.

– Ерунда. Никто ничего не заметит. Это наше новое изобретение. Называется Вагина. Берешь за две фаллопиевы трубы, надеваешь на голову и смело идешь через любую таможню.

Он нахлобучивает мне на голову что-то липкое и зеленое. Слегка подталкивает в бок. Справа и слева загораются нестерпимо яркие светильники в красную и синюю клетку. Я погружаюсь в нескончаемый параллелепипед, образованный этими ослепительными огнями. Грохочет музыка. Басы бьют по голове так, что она вот-вот взорвется. Это мой любимый Pink Floyd. Успокаиваюсь и полностью отключаюсь.

...Врач стоит ко мне вполоборота так, что я не вижу его лица. Он говорит, что мне предстоит еще три операции. У Профессора нет достаточной квалификации, поэтому оперировать будет мой собеседник, конечно, если я хорошо заплачу.

– Три операции. Вам предстоит три операции по сто тысяч евро каждая.

Пытаюсь дотянуться до бейджа на его груди. Он сам поворачивает табличку и представляется:

– Джейл, я доктор Джейл⁶.

⁶ Тюрьма (англ.).

Тут я замечаю, что это же имя выбито на сереге в его левом ухе.

– Если откажетесь платить, то я вас инфицирую так, что нынешнее заражение покажется легким испугом. А если мне хотя бы что-то не удастся, то всё доведут до конца мои специально обученные помощницы. Они знают свое дело: никогда не восстановитесь.

Слышу отвратительный визгливый женский смех. Какая-то девица, видимо, медсестра, рассказывает, что уезжает в отпуск в Москву, где для нее приготовил новый набор косметики Борис Буряце⁷. С ужасом понимаю, что попал в какую-то криминальную клинику.

МОЛЕБЕН

They are whispering to me
I have to win the fight Against myself
To write the names of the victims
With bloody hands into the sky
I can see the flames

Sky's Burning
Pink Floyd

Они нашептывают мне.
Я должен выиграть борьбу
Против самого себя.
Записать имена жертв
Окровавленными руками на небе.
Я могу видеть огни.

Небесное пламя
Пинк Флойд

...Вдали звенят колокола. Холодно. Очень холодно. Рождество или Новый год. Кто-то дубасит в дверь. Пытаюсь выкрикнуть, чтобы никого не пускали, они могут меня инфицировать, но голоса нет. Входят два священника. Один начинает читать молитву по-грузински, другой по-армянски. Наконец-то у меня появляется голос, требую вызвать полицию. Попов уводят, но они продолжают ломиться в дверь. Несмотря на животный страх, я снова отключаюсь. Сквозь дрему слышу уговоры полицейского принять священников:

– Они только помолятся и побреют вас.

Не хочу бриться! Попы нестерильны!! Кругом инфекция!!! Конвульсивно закапываюсь в простыни и одеяла. Страх безмерный...

АГЛИН ВАС АГЛИН

...Ближний Восток. На огромной скорости веду по пустыне небольшой армейский грузовик. Тучи песка и никаких ориентиров. Швыряет так, что вот-вот оторвется голова. Внезапно меня догоняют серые мотоциклы с номерами WH на передних крыльях и пулеметами на турелях колясок. Седоки в развевающихся пропыленных кожаных плащах и касках с очками

⁷ Борис Буряце – актер и певец театра «Ромэн» и ГАБТ, скандально известный в связи с так называемым бриллиантовым делом Галины Брежневой, по слухам, ее любовник.

не выказывают никаких добрых намерений. Резко торможу, погружая всех в облако песчаной пудры.

– Вы, ребята, из дивизии Роммеля? – кричу им сквозь бурю.

– Аглин вас Аглин!⁸ Мы сейчас покажем тебе Роммеля, проклятый ягуд⁹. Двигай в строю.

Еду дальше внутри эскорта мотоциклистов. Понимаю: попал в руки арабских террористов. На память приходит повесть с необычной фамилией автора – Прага, Сергей Прага. Книга называется «Да, был». Там, спасая от неминуемой гибели в концлагере, одного еврейского персонажа называют аджарцем – грузином-мусульманином. Это мне легко: во-первых, родился и вырос в Аджарии и, во-вторых, прилично владею грузинским языком.

Тормозят, ведут в палатку. За столом вооруженные бородатые люди в пустынном камуфляже. На столе – огромное количество комиксов, изображающих хохочущих парней, насилюющих женщин в хиджабах; машины, давящие арабских детей; бульдозеры, разрушающие каналы и уничтожающие урожай. И на всех этих источниках агрессии холодно сияют голубые шестиконечные звезды. Абсолютно точно: добра такая встреча мне не сулит. Выстреливаю весь имеющийся у меня запас арабских слов:

– Вахд, арба, хамса, ашра, сундук эль-берид, шамес, каср, баср, мехид! Зен?! Я аджарец – грузин-муслим. Зен? Слыхали про таких? Зен? Эль-Кагира, эль-Джазир, ас-сайяра, аль-тайара! Зен?¹⁰

По крайней мере, есть шанс проканать под полного кретина. Авось отпустят – чокнутых не судят.

– Ребята! Он свой, он – грузин! – непонятно почему кричит один из бородатых.

– Обрезанный? – грозно спрашивает другой.

– Не успел, – лепечу в ответ. – В Союзе не было принято.

– Раз не обрезанный, значит – не еврей: они все обрезанные, – заключает грозный. –

Поможешь нам резать евреев?

– Нет, не могу. Я – журналист. Ничего, кроме авторучки, держать в руках не умею. Вот написать о том, какие вы крутые парни, могу. Только поделитесь своими планами.

– Ну, пойдем, покажем на карте.

Лавры героя всех антитеррористических разведок мира уже кружат голову. После детального посвящения в планы террористы меня отпускают. Первое приятное ощущение с момента погружения в другую сторону жизни. Жизни?..

Еврей

Глаза, наполненные грустью поколений,
И вечные сомнения,
И Книга,
И ожиданье новой Катастрофы...

⁸ Приветствие (араб.).

⁹ Еврей (араб.).

¹⁰ Один, четыре, пять, десять, почтовый ящик, солнце, река, море, океан! Хорошо? Каир, Алжир, самолет, автомобиль! Хорошо? (араб.)

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

...Снова появляется туннель из красных и синих клетчатых светильников. Всплываю на поверхность. Помещение густого темно-синего цвета. Рядом со мной сидят два самых дорогих мне человека. У них хрустальные, прозрачные головы, осыпанные золотом. Оба похожи на греческих богов с Олимпа. У сына никогда не виданная мною каштановая курчавая борода, у жены – роскошная рыжая грива. Мне кажется, что я с ними разговариваю. На самом деле они мне задают вопросы, а я только киваю утвердительно или отрицательно. Первый восторг обоих от того, что я их узнал, серьезно озадачил: не понимаю, что в этом необычного. Бурное одобрение вызывает и исполнение странной просьбы сына потянуть его за палец.

– Я кто? – спрашивает сын. В полной уверенности, что называю его идиотом, беспомощно мотаю головой.

Опять дурацкий вопрос:

– Ты уже говоришь по-немецки?

Наконец-то до меня доходит, что голос потерял, поэтому вместо ответа с трудом складываю фигуру из трех пальцев.

– Смотри! Он кукиш сложил! Он смог!!! – орет сын. – Ты сможешь, ты всё сможешь. И немецкий скоро выучишь. Ведь ты боец, папа! Ты – настоящий боец. Выкарабкался из такой ямы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.